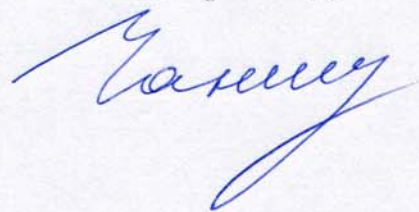

На правах рукописи

ЧАНЧИКОВА Юлия Тимуровна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОЕКТА
НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ**

Специальность 09.00.11 – Социальная философия

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Красноярск 2011

Работа выполнена на кафедре культурологии факультета искусствоведения и культурологии Гуманитарного института ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Научный руководитель: доктор философских наук
Ольга Анатольевна Карлова

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Валерий Валерьевич Минеев
кандидат философских наук, доцент
Александра Сергеевна Черняева

Ведущая организация: ФГБОУ ВПО «Иркутский
государственный университет»

Защита диссертации состоится 22 ноября 2011 г. в 14.00 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212.099.17 при Сибирском федеральном университете по адресу: 660041, г. Красноярск, пр. Свободный 82, стр.6, УПК ИН и Г, ауд. 3-17.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Сибирского федерального университета».

Автореферат разослан « ____ » _____ 2011 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат философских наук, доцент

 М. А. Петров

Общая характеристика работы

Актуальность темы настоящего диссертационного исследования обусловлена интересом к ключевым идеям классического евразийского проекта, возникшим в российском обществе на рубеже XX – XXI столетий. Данный интерес подтверждается включением евразийских идей в ряд идеологических концепций, имеющих потенциальную способность к трансформации в слагаемые зарождающейся государственной идеологии современного российского общества.

В первую очередь, это интеграция евразийских идей в новые патриотические течения, неотъемлемой частью которых является неоевразийство. Также евразийские идеи актуализируются в рамках российских антиглобалистских течений, противостоящих процессу глобализации, который влечет за собой значительное ослабление национальной идентификации российского общества.

Обращение к евразийству наблюдается и в исканиях новых российских геополитических школ. Более того, существуют примеры практического применения модели геополитического развития страны, представленной в евразийском проекте, в современных российских геополитических процессах, в частности тех, что связаны с укрупнением регионов.

Высокая толерантность к нетитульным народам и различным конфессиям, характерная для евразийства, приобретает актуальность в контексте обострившихся межэтнических и межконфессиональных противоречий как идея, потенциально способная стать субъектом межнациональной политики страны, что, в свою очередь, также актуализирует содержание исследования. Срединная, традиционалистская, сущность евразийского проекта позволяет рассматривать его как актуальное противоядие от распространяющегося в стране национального экстремизма.

Вышеперечисленные аспекты актуальности работы подчеркиваются остротой общероссийской проблемы деидеологизации общества. Современное российское общество, столкнувшись с негативными последствиями деидеологизации, испытывает дефицит духовности, происходит потеря морально-нравственных ориентиров в масштабах общества. Современные политические лидеры страны, в частности, Дмитрий Медведев и Владимир Путин неоднократно подчеркивали, что социально-экономическое развитие страны невозможно в полной мере без создания в стране системы духовных ценностей, морально-нравственных принципов, из которых бы складывалась идеологическая платформа, отвечающая современным устремлениям складывающегося в России общества нового типа.

В контексте обозначенной проблематики актуализируется традиционалистский ракурс рассмотрения евразийства в качестве структуры евразийских традиций, не имеющих аналога, поскольку именно в традиционализме заложен высокий идентификационный потенциал национальной принадлежности и конфессиональной духовности.

Не менее важен культурологический аспект в рассмотрении евразийских идей в рамках проекта «неоевразийство», так как последний активно развивается в различных социокультурных формах, становясь таким образом в том числе и культурологическим феноменом. И здесь актуальность исследования акцентируется тем, что в культурологическом контексте неоевразийство еще практически не рассматривалось в феноменологическом ракурсе. В данном аспекте евразийские идеи, включенные в неоевразийство, приобретают интерес как феномен такого актуального современного течения, как постмодернизм.

Рассмотрение неоевразийства как субъекта виртуального пространства актуально в связи с тем, что Интернет является сегодня наиболее динамично развивающимся феноменом социокультурной жизни мирового сообщества.

Анализ евразийских идей в рамках неоевразийства актуален еще и вследствие того, что проект, находясь в стадии становления, представляет собой малоизученную область философской мысли. Следовательно, научная проблема исследования представляет собой противоречие между бытованием евразийских идей в XX веке и отсутствием научного контекста их философского осмысления.

Степень разработанности темы. Непосредственно сам евразийский философский проект разрабатывался рядом отечественных ученых, среди которых прежде всего необходимо отметить Н. Трубецкого, Л. Карсавина, П. Савицкого и Н. Алексева. В трудах Н. Трубецкого и Л. Карсавина в большей мере велась концептуальная разработка понятия «истинная идеология». Геополитика евразийства разрабатывалась П. Савицким. Весь комплекс государственно-правовых аспектов евразийского проекта мы находим у Н. Алексева. Проблемы идеологической составляющей евразийского философского проекта раскрывают Г. Флоровский, П. Сувчинский, Г. Вернадский и М. Шахматов.

Обращение к евразийским идеям мы находим у К. Леонтьева, Н. Карамзина, Н. Бичурина, В. Бартольда, В. Ключевского, С. Соловьева, Л. Мечникова, А. Щапова, М. Любавского, В. Ламанского и Д. Менделеева.

Критика евразийства нашла свое отражение в работах Н. Бердяева, П. Милюкова, П. Струве, В. Шульгина, И. Ильина, Д. Философова, Г. Флоровского, Н. Иванова.

К рассмотрению евразийских идей в контексте этнологии обращались П. Савицкий и Л. Гумилев.

Поэтапная дифференциация классического евразийского проекта принадлежит С. Хоружему. Исторический ракурс евразийства исследовали А. В. Соболева, И. Вилента, С. Игнатова и В. Пашенко.

При рассмотрении евразийства в контексте традиционализма в работе анализировались исследования европейских ученых, в частности Э. Трельча, М. Вебера, К. Манхейма, А. де Роша, А. Дасноя.

Идеи представителей старшего поколения «консервативной революции» О. Шпенглера, В. Зомбарта, О. Вайнингера, М. Хайдеггера, К.-Г.

Юнга рассматривались в рамках анализа традиционализма в неоевразийском проекте А. Дугина.

В контексте традиционалистского ракурса евразийских идей изучались исследования российских авторов, относящихся ко второй половине XX века, а именно: труды И. Суханова, В. Плахова, Э. Маркаряна, К. Чистова, К. Думавы, А. Гомонова, Н. Кампраса, Н. Заковича. Г. Исаенко, А. Гринина, А. Ладыгиной, Ю. Давыдова, А. Лосева, А. Тахо-Годи, М. Мамардашвили.

При рассмотрении евразийства в рамках антиглобалистского круга идей привлекались работы Н. Чуринова, И. Безухова, А. Янова, А. Цветкова, А. Дугина, В. Пашенко.

Отдельные аспекты проблемы деидеологизации и реидеологизации, характерные для процесса глобализации, анализировались в трудах Д. Аптера, Р. Арона, Д. Белла, К. Гиртца, Джо Ла Паломбары.

При рассмотрении неоевразийского проекта как социального мифа за основу были взяты работы О. Карловой «Миф разумный» и «Культурный миф как «древо познания».

При анализе неоевразийства как феномена постмодернизма рассматривались труды Л. Вронской, А. Бузгалина, А. Гениса, Е. Кикодзе, П. Козловского, М. Липовецкого, Л. Люкса.

В ходе анализа неоевразийства как субъекта информационного общества привлекались работы Р. Барта, М. Вербицкого, Ю. Кристевой, А. Дугина, У. Эко. Проект «неоевразийство» в большинстве случаев рассматривается в работах таких исследователей, как А. Дугин, В. Пашенко, Ю. Мамлеев, Г. Джемаль.

Подводя итоги изученности проблемы, стоит подчеркнуть, что вследствие замалчивания евразийства на протяжении многих десятилетий идеи евразийцев до сих пор не имеют четкого категориального осмысления, оставаясь объектом полемики, столкновения разных мнений. Обилие привлеченных к рассмотрению научных трудов связано не со степенью изученности проблемы, а является следствием многоконтекстного рассмотрения евразийства в данной работе.

Предметом исследования являются новые тенденции евразийского проекта в философском, общественно-политическом и культурологическом контексте XXI века.

В качестве **объекта исследования** избираются евразийская традиционная философская версия, представленная в работах философов-евразийцев (Н. Трубецкой, П. Савицкий, Г. Вернадский, Л. Гумилев, Л. Карсавин, Г. Флоровский), неоевразийский проект, представленный в работах современного философа и публициста А. Дугина, деятельность ОПД «Евразия», социокультурные неоевразийские проекты рубежа XX–XXI веков, а также труды исследователей традиционалистского круга (Р. Генон, К. Леонтьев), работы философов-постмодернистов (Ю. Кристева, Г. Маркузе, Ж. Делез, У. Эко, Ф. Фукуяма, Ж. Дерриды), работы в области философии культуры М. Бахтина, О. Шпенглера, Р. Барта, исследования природы мифа А. Лосева, О. Карловой, критика евразийства в работах Н. Бердяева.

Определение характеристик евразийского проекта и тенденций, позволяющих говорить о трансформации евразийской традиционной версии в новое течение, – неоевразийство – является главной **целью** диссертации.

В связи с заявленной целью представляется необходимым в ходе исследования решить ряд следующих **задач**:

- исследовать становление и особенности евразийства;
- вычлнить характерные особенности евразийской философской версии в рамках традиционалистской философской мысли;
- исследовать философский и культурологический аспекты модернизма и постмодернизма;
- вычлнить характерные особенности евразийства в контексте модернизма и постмодернизма;
- рассмотреть неоевразийство в различных контекстах: государственное устройство, традиционализм, геополитика, религиоведение, конспирология, постмодернизм, культурология;
- выявить и системно представить особенности современной евразийской версии по отношению к традиционному евразийству.

Методология исследования. Методы, использованные в диссертации, определяются целями и задачами исследования. В целом методологическую основу диссертации составляют сформулированные в работах ведущих философов классического периода и современности основополагающие принципы исследования с использованием нескольких методов и форм познания. Для разрешения поставленных задач потребовалось обращение к данным из разных областей знания: философии, философии культуры, культурологии, религиоведения, этнологии, социальной психологии, политологии, глобалистики, социальной и культурной антропологии.

Для реализации системного подхода были привлечены следующие методы:

- описательный метод использовался для адекватного представления бытования классического евразийского проекта, модернистского и постмодернистского социокультурного контекста;
- применение конкретно-исторического метода способствовало обеспечению подхода к евразийству как к явлению, существующему и развивающемуся в определенном культурном контексте;
- сравнительный метод позволил сопоставить взгляды евразийцев с позицией других философов XIX и XX веков, а именно славянофилов, традиционалистов, модернистов и постмодернистов;
- системно-структурный метод дал возможность рассмотреть идеи евразийства по отдельности, не нарушая при этом их внутреннего системного единства.
- на основе типологического анализа было выявлено своеобразие евразийства в границах традиционализма и отличие неоевразийства по отношению к классическому евразийскому проекту;
- текстолого-герменевтический метод позволил провести анализ источников, используемых в работе;

- при анализе философских трудов применен также метод общей и специальной компаративистики, который был направлен на выявление различных интерпретаций и оценок творчества евразийцев и неоевразийцев. В ряде разделов изложение ведется в форме сопоставления точек зрения, что помогает показать ход дискуссий по тем или иным вопросам;
- метод психологического анализа позволил выявить внутренние основы неоевразийства как феномена современного социокультурного пространства;
- метод «следов», введенный в историографию школой «Анналов» и представляющий собой возможность реконструкции недоступного в настоящий момент для целостного исследования по выбранной проблематике путем обращения к его проявлениям, дал возможность рассмотреть евразийство в контексте модерна и постмодерна;
- метод моделирования позволил выдвинуть ряд ключевых гипотез исследования.

Новизна исследования и личный вклад автора заключаются в следующем:

- определение синтетической идеологии евразийства как условия для дальнейшей трансформации классического проекта на рубеже XX – XXI веков;
- в ходе рассмотрения евразийства в рамках традиционализма сделан вывод о наличии оригинальной евразийской замыкающейся совокупности традиций;
- при формировании классификации базовых традиций, входящих в оригинальную евразийскую совокупность традиций, представлена сибирская геополитическая традиция евразийства, под которой понимается преемственность евразийцев к русской научной и философской мысли в понимании геополитического значения Сибири для России;
- в ходе рассмотрения евразийства в рамках течения «модернизм» в данном исследовании сделан вывод о заложенном в евразийстве пророчестве «рисков общества модерна»;
- при вычленении характерных особенностей евразийской философской мысли в рамках постмодерна сделан вывод о близости евразийства идеям мирового антиглобализма;
- при комплексном анализе евразийства и неоевразийства определены отличия последнего в трактовке базовых идей классического евразийского проекта (Евразия, православие, революция, традиция, личность, геополитика), что в дальнейшем позволило сделать вывод о существенных трансформациях евразийских идей в рамках неоевразийского проекта;
- в контексте заявленной проблематики предложено новое понятие «философский перформанс», описывающее новые формы бытования философских проектов в условиях современной социокультурной ситуации. Итогом рассмотрения неоевразийства в культурологическом аспекте стал

вывод о том, что неоевразийство на современном этапе является «философским перформансом».

Теоретическая значимость исследования определяется возможностью использования результатов диссертации в целях дальнейшего изучения таких явлений, как неоевразийство, идеократия, традиционализм, информационное общество, конспирология, современный российский постмодерн в рамках социальной философии, философии культуры, философии общества и культурологии.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы для подготовки учебных пособий, чтения таких учебных курсов, как «История русской философии», «Социальная философия», «Философия культуры», «Философия общества». Теоретические положения, выводы и проанализированный в диссертационной работе материал могут быть востребованы для подготовки реферативных и библиографических трудов по социальной философии, политологии, философии общества, философии культуры и культурологии.

Апробация работы. Основные положения и результаты диссертационного исследования были представлены в 7 публикациях общим объемом 3,5 п. л., в том числе 2 публикациях в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК. Основные положения и результаты диссертационного исследования обсуждались в ходе двух научно-практических конференций. Диссертация обсуждалась на расширенном заседании кафедры рекламы и социально-культурной деятельности Гуманитарного института Сибирского федерального университета.

Структура диссертации. Структура работы определяется целью исследования и последовательностью решения поставленных задач. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих по два параграфа каждая, заключения и библиографического списка.

Основное содержание диссертации

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается степень ее разработанности, определяются цели и задачи исследования, раскрывается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе – «Принципы и направления русского евразийства конца XIX века – 80 гг. XX века» – проводится анализ базовых идей евразийского проекта и анализ евразийского проекта в контексте европейского традиционализма.

В первом параграфе главы – «Становление и особенности русской философской евразийской традиции» – дается анализ базовых идей евразийского проекта. Таких как «Евразия», «месторазвитие», «идея-сила», «православные традиции», «симфоническая личность», «революция»,

«истинная идеология». Автором исследования выявлено существование ряда подходов к определению евразийского проекта. Согласно С. Хоружему, И. Виленты и В. Пашенко евразийство понимается как общественно-политическое течение. А. Дугин считает, что по широте охвата исследуемых вопросов, по глубине анализа, по степени проникновения в сущность проблем, стоящих перед Россией, евразийство потенциально могло бы в свое время составить конкуренцию официальной идеологии советского государства – марксизму-ленинизму. Во всяком случае, размышляя о судьбе России, евразийцы неотступно вели переключку с марксистами, где-то соглашаясь, а где-то входя в противоречие с последними.

Автор исследования, обратившись к ряду работ русских философов, находит истоки евразийских идей, появившихся до возникновения евразийского течения. Это идея о многосубъектности российской истории и роли монголо-татар в формировании Московского государства, выдвинутая в начале XIX века Н. Карамзиным. Влияние восточных культур на культуру России отмечено востоковедами Н. Бичуриным и В. Бартольд. Евразийские идеи прослеживаются в работах В. Ключевского и С. Соловьева, выделявших роль природной среды в формировании российской истории.

Гидрологическая теория развития цивилизации Л. И. Мечникова, этнографические концепции А. Щапова и М. Любавского близки идеям евразийца Л. Гумилева. Определение же России как «срединного царства», характерное для философов евразийского круга, давали В. Ламанский и Д. Менделеев.

Диссертант делает вывод, что своеобразным протоевразийцем являлся К. Леонтьев, поскольку именно в его работах впервые выдвигается идея русской духовной аутентичности. Задолго до философов евразийского круга К. Леонтьев противопоставил русский и латинский миры, а также актуализировал идею русской близости к туранским народам.

Одна из ключевых евразийских идей – учение о симфонической личности – берет начало в трудах Августина. Разработкой этого понятия занимался А. Хомяков.

Автор также анализирует пласт работ, посвященных критике евразийства, выделяя Н. Бердяева, П. Милюкова, П. Струве, В. Шульгина, И. Ильина, Д. Филофова.

Рассмотрение евразийских идей в контексте этнологии мы находим у Л. Гумилева. В своем основополагающем труде «Этногенез и Биосфера Земли» Гумилев продолжил традиции «географического» евразийства П. Савицкого, углубив их и расширив, придя к биолого-историческому детерминизму, утверждая, что сроки рождения и смерти этносов зависят не от культурно-исторических факторов, а от природных, естественных. Рассматривая евразийство в рамках этнологии и русского космизма, Л. Гумилев выдвигает две уникальные теории – этногенеза и пассионарности. Первая связана с влиянием географических ландшафтов на этнические особенности. Теория пассионарности – еще одна концепция личности,

перекликающаяся с концепцией триединого процесса развития нации К. Леонтьева и выводами Н. Трубецкого о главенствующей роли симфонических личностей.

Поэтапная дифференциация классического евразийского проекта принадлежит С. Хоружему. Он выделяет первый этап в развитии течения с 1923 по 1925 гг. и характеризует его как этап бурного становления. Для второго периода – с 1925 г. по 1930 г., по мнению исследователя, ключевой является политизация проекта. С. Хоружий также выдвигает версии причин раскола евразийства. По его мнению, это симпатии левого крыла к большевистскому строю и апологетика марксизма. Эту же точку зрения мы встречаем у исследователей А. Соболева, И. Виленты, С. Игнатовой и В. Пашенко.

Диссертант отмечает широту идейного поля евразийского проекта, вмещающего религию, геополитику, этнологию, государственное устройство, философию культуры. В работе акцентируется внимание на этнологическом ракурсе евразийства. Евразийцами изучались экономическая география и геополитика России, влияние на ее судьбу климатических, гидрологических, почвенных и других естественных условий, роль в ее судьбе леса и степи, почвенных условий, менталитета народов, ее населяющих. Автор показывает, что самым парадоксальным в евразийском учении о России с формально-логической точки зрения стало то, что само понятие «Россия» наполнилось новым содержанием, во многом поменявшим бытовавшие стереотипы и дефиниции. Евразийцы заменили понятие «Россия» на более, по их мнению, адекватное – Евразия. Именно понятие «Евразия» в полной мере отразило особенности и самобытность громадного «континента-океана».

Автор вычленяет одну из корневых проблем, рассматриваемых евразийцами, – взаимоотношение России и Запада, отмечая при этом, что здесь евразийцы заняли собственную, отличную от славянофилов позицию. Антизападники в целом, они не абсолютизировали противопоставление Запада славизму, пытаясь найти диалектическое единство Запада и Востока, высветить интегральное качество, некое дуальное единство, коренящееся как в культуре Запада, так и в культуре Востока.

Диссертант показывает, что одной из ключевых задач философов евразийского круга было создание новой, органической системы идей, по сути, новой идеологии, новой национальной идеи. Автор выделяет две базовые предпосылки, выдвинутые евразийцами для ее формирования. В качестве «базиса» новой идеологии были отобраны две основные идеи: учение о соборной, симфонической личности и религиозная концепция веры. В работе отмечается, что у евразийцев концепция симфонической личности онтологична по своей сути и диалектична по методологической направленности: окружающему миру делегируются личностные качества, но качества преобразованные, уже включающие иерархичность как тип системного соподчинения индивидуумов в структуре общества. Личность индивидуальна лишь в своем стремлении к состоянию симфоничности,

слиянию человеческого и вечного бытия в акте познания. Типические личностные проявления, имеющие ценностный (аксиологический), а значит социальный, характер, приобретают в рамках концепции симфонической личности онтологические свойства бытия.

Вторым фундаментом евразийской идеологии становятся православные христианские каноны. Евразийцы считали, что необходима идеология, пронизанная пафосом вечного, абсолютно ценного, которая бы властно призывала к абсолютно оправданной деятельности и была, несомненно, абсолютно обоснованной в своих истоках. Евразийцы полагали, что новую идеологию следует строить на основаниях веры, и она должна быть истинной. Вместе с тем понимание православия евразийцами далеко от православных религиозных канонических постулатов. Постулируя православие в качестве высшего, единственного в своей правоте исповедания христианства, евразийцы не следуют ортодоксам и не отбрасывают целиком другие христианские направления, а также инославие (другие конфессии).

Диссертант, анализируя идеологическую составляющую евразийства, приходит к выводу, что она не является идеологией в ее традиционном понимании, когда мы подразумеваем под идеологией совокупность идей, мифов, политических лозунгов, программных документов партий, философских концепций. В евразийской идеологии слиты все проявления духовности, самосознания индивида, группы, этноса, класса, нации, цивилизации. Евразийцы полагали, что реальная жизнь богаче формальных логических построений. Реальная жизнь внутренне противоречива, изменчива, следовательно, ее осознание и понимание не может быть замкнуто на каком-то определенном секторе.

В работе предлагается использовать для описания природы евразийской идеологии определение В. Пашенко – «синтетическая идеология». В конце параграфа делается вывод о том, что именно синтетичность евразийской идеологии послужила импульсом для трансформации евразийства в процессе развития на рубеже XX – XXI веков.

Во втором параграфе первой главы – «Евразийство в контексте традиционалистской концепции конца XIX века – 80-х годов XX века» – евразийский проект анализируется в широких границах европейского традиционализма.

Автором показаны основные этапы возникновения и развития традиционалистской мысли в Европе. При рассмотрении евразийства в контексте традиционализма в работе анализировались исследования европейских ученых, в частности Э. Трельча, М. Вебера, К. Манхейма, А. де Роша, А. Дасноя. Взяв за основу типологию А. Дасноя, различавшего интегральный и идеологический традиционализм, диссертантом сделаны выводы, касающиеся рассмотрения евразийской структуры традиций.

Также в контексте традиционалистского ракурса евразийских идей диссертант проанализировал исследования российских авторов, относящихся ко второй половине XX века.

В работе делается вывод о том, что евразийство обладает уникальной совокупностью традиций. В основе формирования оригинальной совокупности традиций лежит собственное прочтение евразийцами Примордиальной традиции. Евразийцы не считали, что в основе их учения лежит некая мировая, изначальная Истина, единая для всех народов. Более того, они попытались сформулировать собственную, оригинальную изначальную Истину. Это евразийский постулат об Идее-Правительнице – особой роли России, достаточной для того, чтобы жить и жертвовать во благо России-Евразии. Понятие «Россия-Евразия» стало для евразийцев их изначальной, подлинной традицией, точкой развития и его конечной целью, стало евразийской Вселенной.

Диссертант приходит к выводу, что именно на основе своего видения изначальной традиции евразийцам удалось сформировать собственную совокупность традиций, получивших название «евразийские традиции». Элементы совокупности варьировались как во времени, так и у разных представителей евразийства. При этом обязательными ее составляющими выступают следующие положения: обоснование самобытности России-Евразии как особого культурного, исторического, географического мира; отказ от европоцентризма и подчеркнутый интерес к культурам Востока, как наиболее близких духу Российской цивилизации, но все же не идентичных ей; включение в российскую цивилизацию, наряду со славянскими, «туранских» народов, как полноправного и активного элемента ее исторического становления и развития; идея особого исторического пути и миссии России; провозглашение Православия стержнем российской самобытности и основой ее возрождения; идеократическая концепция государства, включающая представление о государстве «социальной справедливости и правды», подчиненного высшей идее-правительнице, идее соборности и симфонической личности; изучение геополитических особенностей России как Евразии и введение новой категории – «месторазвитие».

Автор указывает, что, помимо обращения к православным традициям и прочтения их в собственном, оригинальном контексте, евразийцы стали преемниками и российской геополитической традиции. Вслед за многими русскими правителями, путешественниками, учеными, государственниками, евразийцы признавали особую роль Сибири в развитии России.

Диссертант предлагает выстроить часть евразийских традиций в определенную замыкающуюся структуру. Исходная точка – Россия-Евразия, далее – рассмотрение России-Евразии с точки зрения евразийского учения об индивидуальной, симфонической и соборной личностях, согласно которому Россия-Евразия рассматривается как симфоническая личность. В системе симфонических личностей, по мнению евразийцев, существует четкая иерархия, определяемая функциональной полнотой и спецификой деятельности той или иной личности. Христианская культура как симфоническая личность осуществляет себя в ряде низших симфонических личностей – различных культурах. В свою очередь культура реализует себя в

народах. Народы же, актуализируясь в культуре, христианской религии, движутся к высшей точке существования соборности, самосовершенствуясь на благо России-Евразии. Соборность объединяет социальных личностей, помогая им устремиться к единому духовному центру – евразийской Примордиальной традиции России-Евразии. Основным же принципом единства социальных личностей становятся общие цели и способы их достижения, солидарность и служение ближнему, приоритетность соборного целого более высокого порядка, наконец, жертвенность. Единый духовный центр, по убеждению евразийцев, – это православная церковь. Но она же тождественна России-Евразии, поскольку и идентификация России-Евразии и ее актуализация происходят посредством православия, следованию православным традициям.

Во второй главе – «Тенденции общественного сознания конца XX – начала XXI веков» – анализируются основные локусы современного общественного сознания, а именно: модернизм и постмодернизм, проводится сравнительный анализ основных тенденций евразийства и модернизма, неоевразийства и постмодернизма, евразийства и неоевразийства, на основе чего делаются выводы о механизмах трансформации евразийского проекта и описывается его бытование в контексте современной социокультурной ситуации.

В первом параграфе второй главы – «Тенденции в общественном сознании и неоевразийство в контексте противостояния глобализма и антиглобализма» – диссертант отмечает, что евразийцы, не используя понятие «модерн», тем не менее, выстраивали модель идеального государства-континента как альтернативу модернизирующейся Европе.

При анализе евразийского проекта в границах постмодерна диссертант показывает, что классический евразийский проект не укладывается в границы зарубежного постмодерна и доказывает, что на рубеже веков в России стал складываться собственный постмодернистский дискурс, в котором все чаще и настойчивее стало упоминаться евразийство.

В работе делается вывод о том, что именно в евразийстве присутствуют пророчества, связанные с процессом глобализации общества и черты антиглобализма, являющегося одной из категорий постмодернистского понятийного аппарата. Автор подчеркивает, что евразийство отличается от других антиглобалистских проектов не только порицанием существующего процесса глобализации, но и выработкой альтернативных идей, потенциально способных стать моделью межэтнических отношений.

Несмотря на то, что между евразийством и антиглобализмом временной разрыв в несколько десятков лет, русский проект укладывается в общее идейное поле антиглобализма. Рассмотрение же евразийства в рамках антиглобалистских течений имеет потенциальную возможность дальнейшего развития в рамках идеологического проекта общегосударственного значения.

Рассматривая евразийство в границах самого масштабного социокультурного проекта новейшей истории – постмодернизма, автор показывает возрождение проекта на рубеже веков посредством атрибутов

«виртуальной галактики», планетарных механизмов считывания, копирования и распространения. Именно средства массовой информации стали колыбелью для второго рождения евразийства на рубеже XX–XXI веков.

Автор обращает внимание на тот факт, что реанимация евразийских идей на рубеже веков, в отличие от классического евразийского проекта, началась на страницах печатных изданий во время политических дискуссий в стенах телестудий, кочуя по виртуальным политическим платформам левых, правых и центристов. В свою очередь тиражирование неоевразийских идей приводит к их проникновению в далекие от неоевразийства политические платформы, идеологические системы.

Диссертант отмечает, что ряд философов, продвигающих евразийские идеи, начинает активно внедряться в печатное, электронное и виртуальное пространство, завоевывая внимание масс и будируя интерес к евразийству среди массовых политических формаций. В процессе пропаганды евразийства его адепты выдвигают новый термин – неоевразийство и начинают формировать собственный комплекс философских, идеологических и политических идей на евразийской базе. Аккордным событием этого процесса становится создание евразийской партии. Вместе с тем в диссертации акцентируется внимание на том, что между политической партией «Евразия» и неоевразийством нет знака равенства. Партия преследует локальные политические цели, а идеи евразийства и неоевразийства шире политической конъюнктуры. В диссертации показано, что ряд идей классического евразийства используется в формировании общероссийской концепции межнационального сосуществования. Это и сохранение национальной идентификации путем развития института национально-культурных автономий, и пропаганда толерантности в обществе.

Во втором параграфе второй главы – «Неоевразийство: новизна концепции и социокультурного содержания» – диссертант вычленяет особенности неоевразийства в контексте постмодернизма, что позволяет сделать вывод о сущностных изменениях евразийского проекта рубежа веков, то есть появления новой евразийской версии – неоевразийства.

Автор анализирует пять основных течений неоевразийства и, заканчивая обзор исторического пути евразийства как идейно-политического течения за последние 10 – 15 лет, приходит к выводу, что только неоевразийство А. Дугина отличается творческим развитием и обогащением евразийской идеи, являя собой несколько эклектичный, но, тем не менее, плодотворный синтез идей и реальной политики. Поэтому сущностные отличия неоевразийства от классического евразийства диссертант рассматривает на примере неоевразийства А. Дугина.

В работе показано, что ряд ключевых идей евразийства в неоевразийстве подверглись пересмотру. Если для Трубецкого, Савицкого и других классических евразийцев существовала некая иерархия религий: вначале Православие, затем традиционные религии, а затем все остальное, то

Дугиным разные части Традиции считаются равнозначными, кроме тех учений, которые, как он считает, изменили Традиции (туда входят католические, протестантские конфессии и современное Православие). Автор отмечает, что неоевразийством было также предпринято переосмысление понятия Евразия, которое получило более широкий геополитический смысл. Евразия у классических евразийцев была географическим ареалом, почвой, базисом для русской империи. В неоевразийстве Евразия – будущий поликонфессиональный и полиэтнический континентальный союз народов и стран, супергосударство, суперимперия.

Автор показывает как идеи неоевразийства интегрируются с западной политической философией (О. Шпенглер, В. Зомбарт, К. Шмитт, Э. Юнгер, Э. Никиш, Э. Фробениус), европейским традиционализмом (Р. Генон, Ю. Эвола, Т. Буркхардт), «новой левой» критикой западного капитализма (Ж. Батай, Ж.-П. Сартр, Г. Дебор, М. Фуко, Ж. Делез), марксистской критикой (А. Грамши, Д. Лукач и т. д.), европейскими «новыми правыми» (А. де Бенуа, Р. Стойкерс, Ж. Тириар). Диссертант доказывает, что подобный синтез ведет к размыванию базисного тезиса евразийства о недопустимости западных влияний, т. к. здесь западнические идеологии оцениваются только по критерию критики неолиберального Запада. А. Дугин и не помышляет о рассмотрении их положительного содержания (т. е. собственно их концепций), в котором можно найти такие учения, как фашизм, герметизм, оккультизм, анархизм и левый нигилизм.

В работе отмечается, что неоевразийцы иначе трактуют такое понятие, как «идеократия», мысля его как некую элиту, разделяющих евразийскую идеологию и духовно сильных людей, которые будут править остальным народом, как они захотят. Автор доказывает, что этот тезис неоевразийцев близок идеям Ницше.

Диссертант подчеркивает, что неоевразийцы в качестве основы для создания обновленной евразийской идеологии – неоевразийства – активно пользуются идеями современной российской геополитической школы и скрещивают евразийство с западной традиционалистской философией. Автор доказывает, что неоевразийцы отходят от оригинальной совокупности евразийских традиций и начинают трактовать традиции в русле Р. Генона. Особенно близким неоевразийцем представляется учение Р. Генона о «внутреннем» и «внешнем» наблюдателях. Р. Генон считает, что внешний наблюдатель не может не констатировать, что правильная и строгая традиция держится на приверженности какой-то фикции, иллюзии, способствующей на определенном этапе истории сплочению человеческих коллективов. Но только внутренний наблюдатель способен понять, в чем же состоит эта «иллюзия» и почему носители Традиции ставят эту иллюзию превыше всего.

Автор отмечает, что отличие неоевразийства от евразийства вылилось в формирование собственного своеобразного категориального языка, некоего традиционалистско-неоевразийского «дискурса», транслируемого прослойкой гуманитариев при любом обсуждении социокультурных процессов.

В работе показано, что философы неоевразийского круга тяготеют к рассмотрению евразийских идей в рамках конспирологических учений. Идеи Р. Генона об эволюции древних цивилизаций, воспринятые неоевразийцами как ключевые в понимании «традиционализма», явственно перекликаются с оккультной концепцией эволюционных циклов «Тайной Доктрины» Е. Блаватской. В итоге автор приходит к выводу, что традиционализм в неоевразийском прочтении обретает черты конспирологии. Русская Православная Церковь рассматривается Дугиным как политический «партнер» наряду с российским исламом, буддизмом и иудаизмом. В контексте геополитической и духовно-политической конспирологии принцип «эзотеризма» поставлен над принципом «традиционализма» и подчиняет его себе как служебный инструмент. В неоевразийской версии сакральная традиция оказывается орудием в руках тайных оккультных сил. Автор доказывает, что конспирология неоевразийства относится к «синкретическому заговору» – одному из конспирологических учений, поскольку суммирует особенности масонского, еврейского, неомистического, мондиалистского заговоров в единую картину тотального заговора, являющегося глобальным механизмом, приводящим в движение жизнь мирового сообщества.

В диссертации делается вывод о том, что, помимо собственного понимания «традиции», в ином ракурсе рассматривают неоевразийцы и понятие «революция», чрезвычайно важное для евразийцев. Революция евразийства – системный шаг внутри стройной логической цепи, ведущей к цветению Евразии. Революция неоевразийства – самоценная стихия. Евразийцы дают оценку свершившейся в России революции, находя ее полезной, но не совершенной. Неоевразиец Дугин считает революционный акт явлением за пределами добра и зла, продуктом некоего пассионарного поля, где понятия благо и вред отсутствуют.

В неоевразийском проекте, представленном сегодня в основном в научных и публицистических работах А. Дугина, евразийские культурная и религиозная революции объединены общим понятием – «перманентная консервативная революция».

Автор обращает внимание на то, что одним из различий между евразийством и неоевразийством являются способы трансляции идей. Евразийцы, распространяя свое учение, прибегали к средствам, характерным для их времени. А именно, издавали книги, альманахи, проводили собрания и встречи с публикой. Неоевразийцы выбирают основным полем для трансляции виртуальное пространство рунета. Несмотря на то, что ими издается несколько печатных изданий, основная доля в процессе трансляции отдана электронным средствам массовой информации – рунету, радио, телевидению. Именно в таком порядке, поскольку сегодня наиболее либеральным каналом связи, открытым для всех, является именно Интернет, а затем уже радио, и в самой меньшей степени телевидение, которое живет в условиях жесткого идеологического и коммерческого форматирования.

Однако Интернет сегодня – это не только огромный канал связи, открытый для всех, но и определенная культурологическая ситуация – киберкультура, несмотря на открытость и либерализм, диктующая собственные форматы. Один из них – размывание авторства и формирование виртуальной личности. Участники виртуального сообщества постепенно теряют черты живого существа и становятся масками, виртуалами.

Автор подчеркивает, что виртуализация стала для неоевразийства способом продвижения в широкие массы социокультурных идей. В диссертации доказано, что неоевразийство предъясвляется как некий продукт, требующий рекламной кампании и других действенных маркетинговых ходов, а общество воспринимается как целевая или нецелевая аудитория.

Диссертант актуализирует проблему отсутствия описания бытования евразийских идей, трансформированных в рамках неоевразийства. В исследовании отмечается, что это бытование представляет собой ситуацию перехода философских идей в некий интеллектуальный продукт, продвигаемый в широкие массы, и предлагает рабочее название для описания выявленной ситуации – «философский перформанс».

В работе приводятся примеры продвижения неоевразийских идей в социо-культурном пространстве. Это медиа-проекты, синтетические действия с привлечением деятелей культуры и искусства, виртуальные формы продвижения в Интернете.

Автор показывает, что неоевразийство до сих пор не оформлено ни как идеология, ни как философское направление, доказывая, что неоевразийство является новым проектом в жанре «философский перформанс», в котором используются некоторые идеи евразийцев. Среди причин трансформации евразийского проекта диссертант выделяет новые исторические условия, влияние идей постмодернизма, которые стали идеологической платформой для трансформации евразийства в контурах неоевразийства. Пользуясь философскими трудами постмодернистов, риторикой постмодернистского дискурса, философско-литературными формами, характерными именно для этого направления, неоевразийцы формируют совершенно новый проект в духе «практикующих философов» Запада. Этот проект усиленно адаптируется к различным медийным форматам современности. Погружение неоевразийства в мир виртуального сообщества довершает смысловые видоизменения, связанные со структурированием в рамках киберкультуры.

Популяризирование неоевразийства, его приспособление к текущему политическому, медийному моментам, к законам, по которым живет виртуальное сообщество, размывают рамки традиционного философского проекта. Несмотря на желание представителей неоевразийства сделать его новой российской идеологией, проект не удастся превратить в стройную идеологическую модель. Неоевразийство предстает то философией, то проявляет себя в литературе или политике и, вместе с тем, не является ни одним из них. Одна из ключевых черт неоевразийства – стремление к коммуникативности и актуальности по отношению к существующей действительности. Таким образом, делается вывод о том, что форма, в

которой сегодня пребывает неоевразийство, является некой культурологической версией – жанром «философского перформанса».

Автор предлагает рассматривать неоевразийство как некое креативное усилие, вид социокультурной деятельности. Это культурологический феномен, находящийся на стыке философии, искусства, литературы, публицистики, коммуникативных технологий, разрабатываемый в синтетическом жанре «философского перформанса». Диссертант показывает, что жанр перформанса подтверждается следующими элементами, присутствующими и в философском перформансе, и в художественном. Это создание инореальности, игровой момент, наличие сценарности, многослойность цели, новизна, серийность, эпатажность, наличие дискурса, персонажного автора и персонажного языка. Доказательством того, что неоевразийство – философский перформанс, являются и тождественные результаты, к которым приходит художественный перформанс и неоевразийство. А именно: сходство в новом определении роли автора как персонажа, изменение понятий, поиск и нахождение продуктивной аудитории, создание новых коммуникативных ситуаций и новых условий для появления технологий, форм и видов, и, наконец, решение проблемы общения с пространством и профанной средой посредством открытости для всех тем и проблем бытийности.

Актуализация в жанре «философского перформанса» позволяет идентифицировать культурологический феномен «неоевразийство» как процессуальное явление социокультурной современной российской ситуации, которое реализует принцип инновации, заключающийся в том, чтобы вывести философию на самую грань реальности с помощью коммуникативных технологий, литературных, музыкальных и художественных средств.

В **заключении** обобщены результаты исследования, сформулированы основные выводы, а также обозначены перспективы дальнейшего изучения данной проблематики.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК:

1. Категория «традиции» в понимании неоевразийских традиционалистов на рубеже XX – XXI веков // Вестник КГУ / Гуманитарные науки: сб. науч.-метод статей. – Красноярск: КГУ, 2006, № 6/1. – С. 27–32. – 0,25 п. л.
2. Features of Eurasian Traditions in System of Western Traditionalism of First Half of Twentieth Century // Journal of Siberian Federal University. – Krasnoyarsk, 2009, № 2 (4). – С. 595–600. – 0,25 п. л.

Статьи и тезисы в других научных изданиях:

3. Идеи евразийства в современном социокультурном пространстве // Проблемы обществоведения: материалы V межвузовской конференции аспирантов и соискателей. – Красноярск, 2004. – С. 147–155. – 0,4 п. л.
4. Неоевразийство: русский антиглобалистский проект рубежа XX – XXI веков // Молодежь. Наука. Цивилизация. Межвузовский сборник научных трудов. – Красноярск, 2005, № 3. – С. 42–52. – 0,5 п. л.
5. Развитие неоевразийского проекта в российских СМИ рубежа XX–XXI веков // Региональная пресса: классика и современность. Сборник научных статей. – Красноярск, 2007. – С. 35–42. – 0,3 п. л.
6. Неоевразийский философский проект как явление постмодерна // Художественная культура: история, критика, методика, творческая практика. Сборник научных статей II Всероссийской научно-методической конференции министерства образования РФ. – Красноярск: КГУ, 2004. – С. 109–112. – 0,1 п. л.
7. Синтетичность идеологии как предпосылка для сущностных изменений евразийского проекта на рубеже XX – XXI // Культура, искусство, образование: Межвуз. сборник научных статей. – Красноярск, 2006. – С. 38–42. – 0,3 п. л.

Подписано в печать
Формат 60x84/16. Уч.-изд. л. 1,2
Тираж 120 экз. Заказ №

Отпечатано:
Полиграфический центр Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а